

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

УДК 330.3

А. В. Валеров

НАЕМНЫЙ ТРУД В КРЕСТЬЯНСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ И УСЛОВИЯ ЕГО ВОСПРОИЗВОДСТВА

В исследовании проблем аграрного капитализма одно из центральных мест занимает вопрос об исторических путях становления качественно новой системы производительных сил. Наиболее ярким проявлением неоднозначных последствий процесса капиталистической эволюции в агросфере становится формирование неотрадиционных механизмов использования чужого труда и специфических способов эксплуатации наемной рабочей силы. В центре изучения — вопрос о характере наемного труда и формах его организации в крестьянском хозяйстве. Анализ возникающих под воздействием индустриальных и постиндустриальных форм капитализма неотрадиционных типов общественного труда позволил автору сделать вывод о том, что расщепленная структура аграрных производственных отношений является причиной складывания особых способов хозяйственного использования наемных работников, что в конечном итоге предопределяет специфику каждого из типов присвоения прибавочного труда, из которых доминирующим следует признать некапиталистический. Отдельное место в статье занимает изучение отношений эксплуатации и условий для их воспроизводства в пределах многоукладных и межукладных хозяйственных систем. Предлагая собственное понимание категории «эксплуатация» в контексте выяснения социально-экономической природы применяемого в крестьянских хозяйствах наемного труда, автор делает акцент на выявлении таких возможностей многоукладности, которые, будучи неотъемлемой частью понятия «капиталистическая система отношений собственности», реализуют себя в сфере аграрного производства в докапиталистических и некапиталистических формах наемного труда при капитализме. Библиогр. 76 назв.

Ключевые слова: крестьянское хозяйство, наемный труд, эксплуатация, собственность, производственные отношения, производительные силы, аграрный капитализм, неотрадиционные и квазикапиталистические уклады, многоукладность.

A. V. Valerov

WAGE LABOR IN THE FARMS AND CONDITIONS FOR ITS REPRODUCTION

In research of agrarian capitalism, the central place is taken by a question of historical ways of formation of the absolutely new system of productive forces. Formation of neo-traditional mechanisms of use of hired labor and specific ways of its exploitation becomes the brightest manifestation of ambiguous consequences of the capitalist evolution in the agro-sphere. Quasi-capitalist nature of this production mode exercises dissimilar influence on the traditional organization of farms. The question of the nature

Алексей Валентинович ВАЛЕРОВ — кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; tcfm@econ.pu.ru

Alexey Valentinovich VALEROV — Candidate of History, Associate Professor, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; tcfm@econ.pu.ru

of wage labor and forms of its organization in agricultural economy is in the center of the article. The analysis of neo-traditional social activities arising with the industrial capitalism allowed the author to make a conclusion that the split structure of agrarian production relations is at the bottom folding of special ways of hired workers using that finally determines the specifics of the surplus labor appropriation, where non-capitalistic way is dominating. The separate place in article is taken by studying of exploitation relations and conditions for their reproduction within multi-structure and quasi-capitalist economic systems. Offering his own understanding of exploitation when studying social-economic nature of wage labor applied at farms, the author places emphasis on identification of such opportunities of multistructurality which, being an integral part of the capitalist system of property relations, realize themselves in the sphere of agrarian production in pre-capitalistic and non-capitalistic forms of wage labor under capitalism. Refs 76.

Keywords: farm, hired labour, exploitation, property, production relations, productive forces, agrarian capitalism, neo-traditional and quasi-capitalist modes of production, multistructurality.

1. Постановка проблемы

Исходным моментом организации системы производительных сил выступают субъективно-личностные и объективно-предметные предпосылки и факторы труда, место и историческая роль которых в процессе общественного производства обусловлены характером самого труда человека. С каждой более высокой ступенью развития производительных сил происходят глубокие изменения в отношениях людей в производственном процессе. При капиталистическом способе производства отношения людей — наемных работников и работодателей — по своему экономическому содержанию выступают как отношения между трудом и капиталом. Процесс развития капитализма сопровождается структурными переменами в системе наемного труда, что, по мнению ряда ученых (Дж. К. Гэлбрейт, Дж. Бэрнхэм, П. Ф. Друкер), свидетельствует о постепенном переходе общества к иной модели трудовых отношений — превращению наемного работника в собственника предприятия, когда его доходы образуются как за счет труда, так и за счет капитала. Вместе с тем в рамках современной модели «информационного» капитализма, с ее ориентацией на трудовые и энергосберегающие технологии, наемный труд не утратил своего значения, и каждый отдельный человек не всегда способен найти занятие не ради получения заработка, а с целью реализации своих индивидуальных устремлений.

В качестве существенной характеристики капитализма наемный труд является важнейшим элементом современного аграрного строя. В сфере сельскохозяйственного производства появление свободных наемных работников традиционно связывается с разрушением натуральной системы хозяйствования и утверждением капиталистических отношений. В свете имеющихся эмпирических данных предполагается, что такая оценка законов развития сельского хозяйства, по существу, оказывается верной лишь для того исторического периода, когда она была сделана, и для тех стран, аграрный сектор которых был выбран в качестве объекта изучения.

Приведенные К. Марксом в первом томе «Капитала» данные о наемных сельскохозяйственных рабочих в Англии послужили исходной предпосылкой для построения упрощенно-классовой теории аграрного капитализма, согласно которой возникновение наемного труда в земледелии, без учета конкретно-исторической и региональной специфики, трактуется как признак развития капитализма. Для того чтобы утвердить представление о капиталистической природе наемного труда в крестьянском хозяйстве, последнее рассматривается, по аналогии с промыш-

ленным предприятием, как живое воплощение противоречий буржуазного способа производства (А. Гайстер, Л. Н. Крицман, М. Кубанин, И. Н. Назимов и др.). Тезис о неразрывной взаимосвязи наемного труда и капиталистического разложения крестьянства в том или ином виде до сих пор продолжает воспроизводиться в работах, написанных как на российском, так и на зарубежном материале.

Во второй половине XX в. в науке вновь была предпринята попытка преодолеть устаревшее положение о принципиальной однотипности законов развития аграрного и промышленного капитализма. Отказ от предубеждения против существования самостоятельной крестьянской экономики и возможности особого пути аграрной эволюции позволил сделать вывод о том, что как долговременная тенденция формирование отношений между наемным трудом и капиталом в агросфере, как правило, развивается помимо рыночного механизма: либо под воздействием государства, либо вследствие специфических по характеру функциональных проявлений капитализма за пределами его исторических эпицентров. Именно последний вариант развития, соответствующий современной ступени эволюции мирового капиталистического хозяйства, ввиду недостаточной изученности представляет собой предмет особого научного интереса. В настоящее время специалистами высказываются две значительно расходящиеся точки зрения о роли и характере наемного труда в крестьянском хозяйстве. В теории «зависимого развития» крестьянское хозяйство по всем параметрам диаметрально противопоставляется капиталистическому, в том числе в сфере труда. Поэтому наемный труд в таком крестьянском хозяйстве не применяется, хотя сами крестьяне нередко становятся поставщиками дешевого труда для капиталистического сектора (А. де Жанври, К. Вергополус). По представлениям сторонников другой точки зрения, крестьянское хозяйство не ограничивается размерами нуклеарной семьи и может включать значительные группы людей, находящихся в более или менее тесных родственных связях между собой. В силу этого обстоятельства используемый в нем наемный труд чаще всего носит семейный, а не рыночный характер (Д. Леманн).

Очевидно, что в то время пока ведутся теоретические дискуссии на тему того, является ли крестьянское хозяйство капиталистическим или нет, вопрос об экономической и социальной природе используемого в нем наемного труда, механизме его организации и воспроизводства в условиях, где преобладает капиталистическая модель производства, остается во многом неясным. В связи с этим в настоящей статье предпринята попытка проанализировать типы сельского наемного труда и формы его организации в крестьянском хозяйстве в контексте исследования тех экономических процессов, которые характеризуют стадиальную эволюцию мировой капиталистической системы в ее периферийных зонах.

2. Крестьянское хозяйство как субъект многоукладной аграрной системы и объект теоретического анализа

Воплощением саморазвивающейся капиталистической системы хозяйств первоначально становится индустриальная форма капитализма, материализовавшаяся в предметах, средствах труда и технологиях эпохи первой промышленной революции. Однако уже на данной стадии капитализма проявилась зависимость воспроизводства технологически новых форм общественного хозяйства от прежних нату-

ральных или природных производительных сил. С наступлением эпохи НТР процесс развития производительных сил стал протекать более интенсивно и вместе с тем более неравномерно. Формирование каждой новой стадии капитализма происходит при неадекватном размывании предшествующих его стадий и форм, отличающихся меньшей производительной силой труда, что находит свое выражение в функциональном несоответствии материальных и социальных факторов труда друг другу [Растянников, 1995, с. 315–316]. И чем более развитыми оказываются материальные факторы труда, тем менее они определяют характер и глубину изменений в социальных процессах. Логика обратной зависимости между развитием материальных и социальных элементов производительных сил находит свое продолжение в особой структуре отношений собственности, объектами которой становятся неоднородные по своей укладной принадлежности факторы труда. В складывающемся типе производственных отношений (феномен «расщепленного» общественно-экономического уклада) последовательность актов отчуждения вещественной и живой (рабочая сила) формы труда зачастую не определяется соответствующим характером присвоения производительных сил. Отдельные фазы воспроизводственного процесса, приобретая внешние признаки аналогичной фазы капиталистического уклада, по своему внутреннему содержанию продолжают выражать отношения собственности предшествующих форм общественного развития. Попадая в зависимое положение от развивающегося капиталистического уклада, различные фазы воспроизводственного цикла некапиталистических укладов не состыковываются друг с другом: «чем ближе к действительному процессу производства, тем сильнее ограничивающее воздействие отсталой внутренней структуры производительных сил на развитие его подлинно капиталистических форм» [Крылов, 1997, с. 139]. Это усугубляет стадийную неоднородность капиталистического уклада, воспроизводственный механизм которого формируется в результате сложного взаимодействия исторически различных типов производительных сил.

В наиболее контрастных формах многоукладность проявляется в сфере аграрного производства большинства крестьянских сообществ, где системный традиционализм производительных сил оказывается втиснут в модифицированные рамки производственных отношений. Вследствие межукладной диффузии появляются гибридные типы земледельческих хозяйств, опирающиеся ввиду неразвитости объективных элементов общественного труда на такую систему организации работ, для которой характерно противопоставление рабочей силы не капиталу вообще, а отдельным формам простого товарного обращения, в которые регрессирует капитал. Генетическая связь с капитализмом подобных некапиталистических по своей структуре типов хозяйств подчеркивает их особую трансграничную природу, для характеристики которой в научной литературе закрепились термины «неотрадиционная» или «квазикапиталистическая» (см.: [Крылов, 1997, с. 56–61, 66–73, 167–179; Растянников, 1995, с. 307–325]).

Необходимым условием появления квазикапиталистических форм хозяйства становится размывание натуральных, или бартерных, отношений, способствующее возникновению групп сельскохозяйственного населения, представителей которых К. Маркс характеризовал как «агентов простого обращения», т. е. наемных работников, не создающих прибавочной стоимости (либо создающих, но не производительно потребляющих) и соответственно представляющих полунатуральное или мел-

котоварное производство, ориентированное на личное потребление ([Маркс, 1968, с. 454–459]; см. также: [Растянкин, 1973, с. 194–195]).

Характерной особенностью полунатурального хозяйства (т.е. сочетающего черты и формы замкнутого натурального и простого товарного хозяйства) является производство потребительных стоимостей. При этом естественно возникшие средства производства доминируют над исторически приобретенными. Это означает, что при данной системе производительных сил преобладающим средством производства по-прежнему остается земля со всеми относящимися к ней естественными факторами и процессами. (Развернутую характеристику полунатуральной хозяйственной системы см.: [Растянкин 1973, с. 194–205; Развивающиеся страны 1974, гл. I; Крылов, 1997, с. 8–21; Илющечкин, 1990, с. 50–51].) В своей подавляющей массе продукты труда потребляются самими производителями этих продуктов, не принимая форму меновых стоимостей. В силу отдельных обстоятельств (высокий урожай, необходимость уплатить налоги или рассчитаться с долгами) часть продукта может поступать на рынок в виде товара. Однако в большинстве случаев обмен осуществляется в непосредственно натуральной форме, а масштабы совершаемых транзакций, как правило, ограничены размерами близлежащего городского центра с прилегающей к нему сельской округой. Достоверно известно о существовании задолго до образования капиталистических отношений небольших локальных рынков сбыта, занимающих значимое место в экономике традиционных крестьянских сообществ. Предлагая на таких крошечных торговых площадках или еженедельных ярмарках в качестве товара мешок зерна, дюжину яиц с собственного двора или фунт самопрядной шерсти, местные крестьяне стремились удовлетворить свои базовые нужды. Кроме того, одной из причин их устойчивого функционирования и сохранения вплоть до наших дней является свойственная любому человеку потребность в социализации, что можно, например, наблюдать у ряда современных североафриканских племен [Dalton, 1972, p. 389]. На примере Китая Г.Скиннер показал, что деревня с ее «овощным» или «малым» рынком вовсе не является единицей социальной интеграции сельского населения. В качестве последней выступает особая надлокальная общность с центром в рыночном городе и трехзвенной иерархией рынков: стандартный — промежуточный — центральный. В этой, напоминающей по своему строению Солнечную систему, рыночной области происходит непрерывный обмен результатами деятельности и информацией [Skinner, 1964].

В настоящее время в большинстве аграрных стран и странах с переходной экономикой (от аграрного типа к урбанизированному) выделяются две основные группы крестьян, в большей или меньшей степени связанные с рынком. К первой относятся ориентированные на рынок полунатуральные крестьянские хозяйства, производящие на продажу свыше 50% своей продукции. По классификации Всемирного банка, впрочем, весьма неоднозначной, это фермерские хозяйства, доход которых, как правило, не связан с работой по найму. Вторую группу образуют крестьяне, работающие на поддержание своего существования на базе натурального хозяйствования. На долю таких хозяйств приходится лишь очень незначительная часть продающихся на рынке сельскохозяйственных товаров. Кроме того, существуют неоднородные по структуре своих доходов группы крестьян, ориентированные на наемный труд в аграрном секторе или несельскохозяйственном производстве, а также на миграцию [Доклад о мировом развитии, 2008, с. 84–87]. Несмотря на из-

вестные различия в стратегиях обеспечения средств существования, для всех типов крестьянских хозяйств характерна одновременная включенность в хозяйственную структуру нескольких экономических укладов (общинно-натурального, частно-индивидуального, мелкотоварного, частнокапиталистического), каждый из которых может выступать в качестве преобладающего или подчиненного, отражая преимущественную связь с конкретным типом производственных отношений. (О специфике современной многоукладной экономики подробнее см.: [Сычев, 1999, с. 218–230].) Общая численность населения развивающихся стран, занимающегося сельским хозяйством, составляет примерно 2,5 млрд человек, из которых 1,5 млрд являются членами мелких крестьянских хозяйств [Доклад о мировом развитии..., 2008, с. 3].

На теоретическом уровне осознание исторически уникальной предметно-хозяйственной, социально-пространственной и классовой форм существования крестьянства произошло во второй половине XX в., когда четко обозначилась перспектива углубления технологического и социального разрыва между центральной и периферийной зонами мирового капиталистического хозяйства. Очевидная разность условий включения и неодинаковая степень интеграции различных групп крестьянства в систему глобального и регионального разделения труда обусловили не только теоретическое, но и актуально-прикладное экономическое и политическое значение вопроса о характере наемного труда и формах его организации в крестьянском хозяйстве. Ориентация на капиталистический путь развития для стран с преимущественно аграрным типом экономики означает не только постоянно растущую зависимость их сельского хозяйства от наемного труда, но и возникновение в конкретном экономическом пространстве множества смешанных, «переходных» структур. На смену традиционным формам организации крестьянского труда все чаще приходят формально-договорные отношения найма, регулируемые рыночным механизмом распределения рабочей силы. При этом сельский рынок наемной рабочей силы отличают особенно неблагоприятные условия труда. При характерных для современных азиатской или латиноамериканской деревни высокой плотности населения и дешевизне рабочих рук крестьянская семья нередко использует наемную рабочую силу, чтобы за счет прибавочного труда компенсировать низкую эффективность производства. И наоборот, хорошо известны противоположные примеры экономического поведения, когда хозяйствование крестьянской семьи поддерживается усилиями ее членов, занятых наемным трудом [Гордон, 1993, с. 129]. Для того чтобы применительно к подобным случаям обоснованно говорить об эксплуатации или пролетаризации, необходимо оценить фактическое состояние труда с точки зрения сохранения природы самого крестьянского хозяйства.

Следует заметить, что изучение структуры докапиталистических и некапиталистических производственных отношений, в том числе традиционной крестьянской экономики, в русле «теорий прибавочного продукта» с неизбежностью предполагает использование терминологии, разработанной в ходе концептуализации капиталистических форм производства. Невольным итогом такого подхода нередко становится аксиоматическое обоснование явлений и процессов хозяйственной жизни с позиций рационализма и капиталоцентризма. Этим грешат теоретики и либерального, и леворадикального толка. На микроуровне это приводит к скрытому или явному акцентированию значения таких количественных показателей, как валовой доход от ведения хозяйства, норма прибавочного продукта (отношение прибавочного про-

дукта к затратам на воспроизводство), норма эксплуатации (выраженное в процентах отношение отчуждаемого в той или иной форме прибавочного продукта к необходимому продукту, создаваемому работником) и т. д., что уже само по себе подразумевает постоянный объем избыточного или прибавочного труда. На макроуровне поиск «ростков капитализма» ведется при помощи данных о ВВП и национальном доходе, величины которых соотносятся с экономическими критериями промышленно развитых стран с целью идентификации той или иной степени «зрелости» или «слаборазвитости» традиционных аграрных обществ. Не учитывая реальное распределение факторов и результатов труда в доиндустриальных сообществах, тем более качественное своеобразие последних (примат личностных, внеэкономических производственных отношений над вещными, экономическими), подобные показатели порождают трудноразрешимые противоречия не только в методологическом аспекте, но и в ходе эмпирических исследований (подробнее см.: [Фурсов, 1991, с. 27–31]). Искажающее воздействие, возникающее в попытках примирить концепцию с фактами, становится особенно ощутимым, когда касающиеся рабочей силы данные анализируются в соответствии с господствующими на Западе теориями явной и скрытой безработицы, полной занятости или математическими моделями экономического роста (см. об этом: [Мюрдаль, 1972, с. 87–91]). Применительно к изучению социально-экономического развития современных афро-азиатских обществ (по большому счету, речь должна идти об анализе крестьянской экономики всех послепервобытных социальных структур) использование капиталоцентристской (и иной западной рационалистической) терминологии, по выражению А. Сена, есть проявление товарного фетишизма [Sen, 1980, p. 21].

В самом деле, каким способом учесть и в каких величинах измерять, например, затраты труда в крестьянском семейном хозяйстве? Или как, например, рассчитать прибавочный продукт, создаваемый в деревне? Ведь достаточных количественных данных, подтверждающих или опровергающих наличие альтернативных потреблению предметов роскоши форм денежных расходов, как правило, нет. За исключением безвозвратного оттока средств на приобретение импортных предметов роскоши большая часть прибавочного продукта остается в сфере крестьянского потребления [Фурсов, 1991, с. 17–18]. Этому способствует не только воздействие основанных на традиционной социальной психологии деревенских механизмов перераспределения, но и существование предполагающих безвозмездный труд эндогенных асимметричных отношений в рамках внутриобщинной (общественные запашки), патриархальной (неравномерно распределяемые работы внутри крестьянской семьи) и ростовщической (сельский потребительский кредит) эксплуатации, а также система взаимообусловленных иерархических прав и обязанностей, выстроенная в форме модели межличностных связей по типу патрон — клиент.

Между тем помимо аксиоматического типа обоснования научной теории существуют также эмпирический и интуитивный типы. Опора на факты (эмпирическое описание) и последовательный сравнительно-исторический анализ (в том числе критический анализ основных точек зрения на изучаемые вопросы), сочетание эмпиризма с принципом историзма позволяют не только избежать противоречий и логических неувязок, но и оценить полученное знание о предмете. Особенно если предмет изучения по мере своего развития перешел в качественно новое состояние.

3. Критическое и догматическое в научном изучении марксистской категории «эксплуатация»

Для выяснения социально-экономической природы применяемого в крестьянских хозяйствах наемного труда (как, впрочем, для теоретического анализа докапиталистических обществ в целом) особое методологическое значение имеет вопрос о том, насколько адекватно политэкономическая категория «эксплуатация» отображает специфику социально-экономических отношений внутри крестьянства.

Исследуя одну из полунатуральных форм производства (эксплуатируемое «формальным» капиталом мелкое хозяйство), К. Маркс, обратив внимание на внутреннюю неоднородность ее состава, выделил в качестве определяющего признака номинальное подчинение работнику фактически уже переставших ему принадлежать средств производства [Маркс, 1969, с. 367; 1964, с. 511]. В знаменитой полемике марксистов с народниками о судьбах крестьянства в России это наблюдение воплотилось в афористичный тезис о раздвоении общественной сущности крестьянства, деформированной в ходе экспансии элементов капиталистического производства. Так, известный экономист И. А. Гурвич, работу которого высоко ценил и неоднократно цитировал В. И. Ленин, писал: «Ублюдочный характер крестьянина, являющегося одновременно и землевладельцем-хозяином, и наемным рабочим, относится к числу основных факторов, под влиянием которых складываются экономические отношения в России» [Гурвич, 1941, с. 71]. Используя идею «двоедушия крестьянина», совместившего в себе черты труженика и приторговывающего на рынке мелкого собственника, В. И. Ленин пришел к выводу о том, что «развитие мелкого хозяйства есть развитие мелкобуржуазное, есть развитие капиталистическое, раз имеется обмен; это — бесспорная истина, азбучная истина политической экономии ...» [Ленин, 1970, с. 221].

В борьбе за утверждение ленинской концепции развития аграрного капитализма в России советская историография стремилась доказать подчиненность к 1917 г. всех типов крестьянских хозяйств «объективным законам товарно-капиталистического рынка»; применение наемного труда в агросфере однозначно трактовалось как прямое следствие пролетаризации крестьянства, выделения из его среды контингента сельскохозяйственного пролетариата, свободного от земли и продававшего свою рабочую силу как товар. В большевистской версии марксизма основное внимание концентрировалось на концепции «чистого» капиталистического развития деревни и отношениях эксплуатации, которые интерпретировались весьма однозначно. Так, к пролетарским относились все хозяйства с продажей рабочей силы свыше 50 дней, а к мелкокапиталистическим — с наймом свыше 50 дней, без учета характера найма и иных обстоятельств [Гайстер, 1928, с. 79–80]. В соответствии с предложенным Л. Н. Крицманом принципом классификации крестьянских хозяйств «отношение собственных средств производства к собственной рабочей силе» капиталистическими считались хозяйства с собственными средствами производства без собственной рабочей силы, а пролетарскими — без собственных средств производства и только с собственной рабочей силой [Крицман, 1926, с. 23–24; Назимов, 1929, с. 16–18; Сулковский, 1930, с. 7–8, 10–29]. Схематизм и прямолинейность такого подхода (неправильное отождествление капитала со средствами производства, соотношение эксплуатации и личной зависимости) привели к формированию искаженного пред-

ставления о процессах классового расслоения сельского населения. В частности, доказывалось, что внутри крестьянского двора проявляются те же противоречия, что и между крестьянскими дворами: антагонизм и эксплуатация. Борьба между эксплуататором-отцом (намечающийся капиталист) и эксплуатируемыми детьми (намечающийся пролетариат) завершается разделом хозяйства и обособлением семей [Крицман, 1929, с. 5–12; Кубанин, 1929, с. 62–63, 100–103].

Эта упрощенная схема подверглась критике даже самими аграрниками-марксистами. В весьма ядовитой манере ее высмеял еще С. М. Дубровский, предложив школе Л. Н. Крицмана выдвинуть лозунг «Пролетарии и кулацкие сыновья, объединяйтесь!» ([Труды Первой Всесоюзной конференции..., 1930, с. 330–334]; см. также: [Хрящева, 1926, с. 110–119, 127–138]). В дальнейшем на обширном материале о российской доколхозной деревне В. П. Данилов показал преимущественно некапиталистический характер наемного труда в условиях товаризации крестьянского хозяйства [Данилов, 1979, с. 25, 119–148]. Многослойность социальной структуры аграрного населения и возникающих под воздействием капиталистического способа производства форм хозяйственного использования работников стала осознаваться и на теоретическом уровне, воплотившись в признании о «невозможности провести четкую грань между сельскохозяйственным полупролетарием и владельцем небольшого клочка земли», «между капиталистическим предпринимателем и земледельцем некапиталистического типа» [Троценко, 1984, с. 192–193].

Идеологически и эмоционально перегруженное, неясно сформулированное, понятие «эксплуатация» стало объектом критики со стороны западных экономистов, в частности Дж. Далтона. Справедливо указав, что термин применяется к очень широкому кругу вопросов, Дж. Далтон сформулировал два возможных значения эксплуатации: простое, продиктованное здравым смыслом, — жестокое обращение, а также формальное — выплаты принудительного характера. Оба варианта интерпретации термина Дж. Далтон считал неприемлемыми при анализе сферы обмена, так как в противном случае нельзя объяснить, что именно эксплуатируемые субъекты получают за избыток, отчуждаемый от них эксплуататорами [Dalton, 1974, p. 555–558].

В отличие от классического марксистского понимания экономической сущности эксплуатации (безвозмездное отчуждение и присвоение прибавочного, а иногда и части необходимого, труда непосредственного производителя), в неомарксистской теории рационального выбора исключительным источником эксплуатации в «докапиталистической натуральной» экономике, которая гипотетически характеризуется необходимым рабочим временем и временем прибавочного труда, признается дифференцированное распределение имущества или богатства. И хотя прибавочная стоимость не создается, те, кто работают дольше, по этой причине являются «эксплуатируемыми» теми, кто работает меньше [Roemer, 1985].

Почти так же рассуждают и теоретики современного постиндустриального общества. Критикуя марксистские представления об эксплуатации, они выдвигают на передний план «информационный» вариант теории стоимости, одновременно полагая, что прежде был верен «трудоу» (см., напр.: [Белл, 1986, с. 332]).

В действительности К. Маркс признавал и разницу в стоимости квалифицированных и неквалифицированных работников («сложный» и «простой» труд), и то, что прибавочный труд (а не прибавочное рабочее время) является условием для

развития всеобщего богатства лишь в исторически определенных пределах [Маркс, 1969, с. 214]. Не затрагивая вопрос об эксплуатации в условиях роста наукоемкости производства, заметим, что при всех отличиях современного постиндустриального рынка типологически новым явлением он не стал. Изменившиеся промышленные технологии и уровень организации общества воплощаются в прежней экономической форме — капиталистическом способе производства.

Как теоретическая концепция, эксплуатация имеет особое отношение к анализу сферы производства и сферы распределения. Однако вне действительного процесса труда собственность как особый тип производственных отношений и основа для возникновения эксплуатации всегда оказывается более широкой категорией, чем присвоение труда самого по себе и средств производства самих по себе. Вот почему конкретизация Дж. Далтоном эксплуатации в значении вынужденных платежей и его беспокойство о том, что именно получают крестьяне взамен за эти платежи, по сути, уводят в сторону от понимания данного термина в экономическом смысле. В то время как отчуждённая прибавочная стоимость часто проявляется в сфере обмена (например, капиталист не имеет дохода на руках, пока он не продаст произведённый продукт), эксплуатация возникает в сфере производства. Следовательно, аналитическое разделение производства и обмена как различных (но взаимосвязанных) социально-экономических процессов является обязательным для понимания эксплуатации в строгом смысле этого слова. Так как субстантивистский подход Дж. Далтона к экономическим системам фокусируется на обмене, концепция эксплуатации не находит места в логике его построений [Littlefield, 1978, p. 495–496].

Вместе с тем необходимо признать, что в плане структуры категория «система отношений эксплуатации» является научной абстракцией политэкономии. Она представляет собой комплекс взаимосвязанных понятий, который, с одной стороны, мысленно отображает и воспроизводит в абстрактной, обобщенной, идеализированной форме структуру реальных отношений собственности, а с другой — служит инструментом познания при изучении конкретных социальных процессов в различных обществах на разных стадиях их развития (см. об этом: [Илюшечкин, 1990, с. 16–24]).

Для того чтобы соответствовать минимальным критериям аналитической допустимости (точное определение, связь с практикой, освещение отличительных свойств реальных обществ) и не превращаться, по словам Дж. Далтона, в «пропаганду» или особый род «социальной научной фантастики», в рамках анализа исторических типов производственных отношений концепт эксплуатации должен предполагать строго определенную последовательность применения своего метода. Это подразумевает характеристику: во-первых, конкретного способа соединения работников со средствами производства; во-вторых, определяемых этим способом форм хозяйственного использования работников; в-третьих, доминирующего типа экономической реализации собственности в процессе производства и распределения. Если первые два отношения характеризуют «внешнюю» сторону хозяйственного процесса, а также социально-правовой статус работников, то третье отвечает на вопрос о том, в какой именно форме и на какой основе производятся отчуждение и присвоение собственниками той или иной доли совокупного труда работников. Таким образом, применяемый в концепции эксплуатации системно-структурный анализ различных хозяйственных укладов позволяет выявить социально-экономи-

ческую (капиталистическую либо некапиталистическую) природу используемого в крестьянском хозяйстве наемного труда.

Если следовать логике развертывания данного метода, то в докапиталистических обществах ни принудительные выплаты, ни формы социального угнетения как надстроечные производные явления не могут содержать в себе экономической эксплуатации. Скорее, эксплуатация зависит от специфики тех производственных отношений, в которых непроизводитель может эффективно контролировать доступ работников к некоторым или всем (как при рабовладельческом строе) средствам производства [Hindess, Hirst, 1975, p. 232]. В этом и кроется основа для соответствующего распределения и возникновения отношений некапиталистической эксплуатации: господство над необходимыми средствами производства — безвозмездное отчуждение экономического продукта (результат дармового труда) — контроль над условиями воспроизводства рабочей силы работников. В подобном производстве, когда человек практически выступает единственным источником энергии, а производительность — величина стабильно постоянная, почти целиком определяемая затратами рабочего времени, отношения найма становятся не только формой экономического принуждения, но и скрытой формой эксплуатации. Значимым является не столько факт наличия эксплуатации в крестьянском хозяйстве (это признает и сам Дж. Далтон), сколько вопрос о том, как именно эксплуатируют друг друга крестьяне. И если отбросить идеологическую составляющую, как, впрочем, и теорию общего равновесия, теоретико-игровое моделирование и другие методы неоклассической и неомарксистской экономики, используемые для построения общей теории эксплуатации и формирования классов (критику неомарксистского подхода см.: [Dymski, Elliott, 1989; Kieve, 1986, p. 558–565]), то разработанная К. Марксом концепция эксплуатации может быть использована для анализа обществ, в которых некапиталистические способы производства встраиваются в глобальную капиталистическую систему, порождая переходные типы производственных отношений и промежуточные формы хозяйства.

Своеобразную трактовку как главного внутреннего фактора развития крестьянской семьи понятие эксплуатации получило в мотивационной теории А. В. Чаянова. Исходной посылкой в разработке концепции крестьянского семейного хозяйства послужило утверждение о том, что, поскольку «все работы в таком хозяйстве исполняются рабочими силами самой семьи, заработная плата ... как реально хозяйственное явление отсутствует» [Чаянов, 1993, с. 312]. Раз воспроизводство рабочей силы не регулируется нормой заработной платы, то следовательно, и трудовые затраты не принимают форму стоимостной оценки рабочей силы работника, а выражаются как мера тягостности или годового напряжения домашних усилий крестьянской семьи. В условиях разрушительного воздействия фактора нужды естественным механизмом защиты и самосохранения крестьянского хозяйства является интенсификация домашнего труда, позволяющая достигать пониженного равновесия в удовлетворении потребностей для поддержания требуемого уровня жизнеобеспечения. Столкнувшись с необходимостью форсировать затраты своего труда, крестьянин, скорее, предпочтет увеличить степень самоэксплуатации своей рабочей силы, чем прибегать к найму чужой [Чаянов, 1925, с. 37–45; 1999, с. 473–474]. Незначительные включения наемной рабочей силы играют роль корректива к организации собственного труда в критические периоды и не несут в себе цели систематической эксплуатации

[Студенский, 1923, с. 19]. Поэтому для А. В. Чаянова и его сторонников капитализм начинает свое существование не с момента появления наемного труда, а когда имеет место использование «наемного труда, привлекаемого не в помощь к своему, а как база для получения нетрудовых доходов» [Чаянов, 1989, с. 426]. Соответствуя принципам ведения натурального хозяйства, чаяновская «мера самоэксплуатации» оказывается естественным порогом для роста сельскохозяйственной продукции, фактически не допуская возможности выхода за пределы «насыщения потребностей едоков». А предпосылка о скрытом противопоставлении между семейной рабочей силой и оплачиваемым трудом (общее методологическое положение, сближающее различные научные направления (ср. [Sen, 1966])) приобретает качество критерия для определения различий между традиционными аграрными структурами и капиталистически ориентированными предприятиями.

На самом деле участие крестьян в различных формах рыночного хозяйства еще не является достаточно весомым основанием для того, чтобы утверждать постулаты «раскрестьянивания» и превращения земледельческого труда в подчиненный элемент капиталистического воспроизводства, впрочем, как и натурализация системы производственных отношений предполагает не отсутствие связей с рынком и торговлей, а доминирующую роль естественных факторов труда по отношению к исторически приобретенным. Действительность развивающихся по квазикапиталистическому пути обществ лишь отчасти подтверждает достоверность «трудо-потребительского баланса», и то не со стороны минимума, а со стороны максимума самоэксплуатации. В ходе «зеленой революции» малоимущие крестьяне, добившись удовлетворения привычных потребностей, не переставали уменьшать трудовую интенсивность своих хозяйств. Рост продуктивности способствовал расширению потребностей: дополнительный продукт не только «проедался», но и использовался в производительных целях (см. об этом: [Гордон, 1995, с. 49–50]).

Очевидно, что для установления степени натурализации деревни, а равно и включенности крестьянского хозяйства в систему товарного производства и обращения, наряду с распределением труда не меньшее значение имеет внутريدеревенское распределение сельскохозяйственной продукции, которое своей нелогичностью с точки зрения законов классической политэкономии в значительной мере ввело в заблуждение теоретиков аграрного капитализма. В вопросе о том, где проходит грань между «простыми, дотоварными формами» и «товарным хозяйством», представители большинства научно-теоретических направлений, по общему правилу, исходят из методологического сближения товарно-денежных отношений с внедеревенским рыночным обменом. Отсюда — характерное как для леворадикальной, так и для либеральной мысли исследование природы крестьянского хозяйства в рамках антирыночной концепции крестьянства или антикрестьянской концепции рынка (см. об этом: [Гордон, 1995, с. 7–26, 66–67]). Между тем возможность применения категории «товар» при анализе системы обеспечения крестьянского хозяйства рабочей силой и средствами производства обусловлена как раз тем, что «товаром является всякая потребительная стоимость, произведенная для продажи, вне зависимости от того, обменивается ли она на другой товар или на деньги, непосредственными производителями или через посредников» [Симонов, Фигуровская, 1993, с. 572–573]. Даже если потребительная стоимость постоянно охватывается процессом производства и обмена, в действительности она не вписывается в поле рыночной экономики:

у нее есть своя собственная целенаправленность, пусть и ограниченная [Бодрийяр, 2004, с. 155]. Для крестьянского хозяйства в равной мере товарной является вся отчуждаемая как на рынке, так и в рамках внутридеревенского натурального обмена продукция независимо от того, потребляется эта продукция в городе или в деревне [Данилов, 1979, с. 164]. Не случайно, формулируя понятие «наемный труд», К. Маркс исходил из того, что именно тип потребления (а по сути — присвоения) прибавочного труда в конечном итоге определяет социально-экономическую природу наемного работника.

4. Капиталистическая система отношений собственности и квазикапиталистические формы наемного труда в деревне

Отношения простого обращения наиболее рельефно проявляют себя в обмене между продавцом рабочей силы и ее покупателем. Сходство с капиталистическим производством обнаруживается лишь в том, что такой обмен может опосредоваться деньгами, и заработная плата также является средством и условием воспроизводства рабочей силы наемного работника. Однако сам характер экономического принуждения в традиционных аграрных сообществах существенно отличается от регулируемых рыночным механизмом отношений найма. Характерное для полунатурального хозяйства сочетание личностных и вещных отношений, а также сама природа основного средства производства — земли, допускающая ее обособление, и как объекта собственности и как объекта хозяйствования, способствовали возникновению различных способов соединения работников со средствами производства и соответствующих им форм эксплуатации. Когда наемный труд принимает форму разнообразных натуральных услуг, отчуждение экономического продукта здесь может сопровождаться присвоением частично неоплаченной составной части самой натуральной услуги или потребительной стоимости, олицетворяемой живым трудом. Так, безвозмездно получаемая нанимателем доля урожая, в сущности, представляет собой не что иное, как натуральную, или продуктовую, форму докапиталистической земельной (арендаторской) ренты. Даже когда наемный сельскохозяйственный работник полностью утрачивает связь со средствами производства и предоставляет только свою рабочую силу, он еще не становится автоматически представителем категории капиталистического наемного труда, и возникающий тип производственного отношения совсем не обязательно соответствует капиталистическому способу производства [Развивающиеся страны..., 1974, с. 153].

Как показывают специальные исследования, первоначальное формирование типа свободного наемного работника исторически наблюдалось в районах высоко развитого торгового земледелия с давними традициями предпринимательства в сфере аграрного производства [Растянников, 1995, с. 414]. Так, широкое распространение наемный труд получил в древности в Вавилонии [Дандамаев, 1974, с. 148–164, 384–385] и Риме [Делищева, 1978, с. 21–23], что отнюдь не означало существования там капиталистической собственности и капиталистической эксплуатации. В Средние века формирование социального слоя наемных работников было настолько быстрым и повсеместным, что начиная с XIII в. все чаще издавались законы, запрещающие забастовки и стачки [Иноземцев, Кузищин, 1998, с. 607]. Однако каким бы масштабным не было применение наемного труда, какой бы высокой ни оказывалась

доля производимой им товарной продукции, до тех пор, пока товарно-денежные отношения не затрагивают воспроизводство рабочей силы и средств производства, натуральная система производительных сил сохраняет свое господствующее положение [Данилов с соавт., 1977, с. 23–26]. Таким образом, качественная грань между капиталистическим и некапиталистическим трудом не может быть проведена только по наличию или отсутствию факта эксплуатации чужого работника, вступающего в отношения найма с частным эксплуататором. Нетрудно убедиться, что при таком подходе та или иная форма эксплуатации выделяется, главным образом, по правовому признаку, т. е. по степени юридической свободы или несвободы эксплуатируемых работников (подробнее см.: [Илюшечкин, 1990, с. 33]).

Точно так же не могут служить надежным признаком капиталистического найма количество и масштабы применяемого наемного труда. К. Маркс отмечал, что «свободные работники могут также появляться ... и опять исчезать, не изменяя при этом способа производства» [Маркс, 1968, с. 459]. Поэтому капиталистический тип собственности на средства и условия производства он выводил вовсе не из наемного труда, который в зависимости от исторических условий может относиться к различным типам эксплуатации.

Тем не менее для русских марксистов конца XIX — начала XX в. было достаточно самого факта аренды крестьянином участка земли с обязательством отработать за него определенное число дней, чтобы утверждать о наличии капиталистического найма с натуральной формой оплаты труда [Ленин, 1971, с. 191–192]. Между тем если обратиться к историческим свидетельствам и эмпирическим данным, то можно заключить, что отработочная форма арендаторской ренты — всего лишь необходимая предпосылка для возникновения капиталистической эксплуатации, позволяющая деформировать (но не активно трансформировать) традиционные способы организации производства в процессе складывания крестьянского товарного хозяйства. Например, в древних и средневековых обществах в рамках арендной эксплуатации широко практиковалась передача участка земли крупным собственником за ту или иную работу в пользование юридически свободному работнику в качестве своеобразной натуральной заработной платы, хотя в экономическом смысле последняя не может считаться таковой, поскольку земля является не предметом потребления, а средством производства [Илюшечкин, 1990, с. 117].

В настоящее время в Латинской Америке землевладелец точно так же может выделить участки земли для крестьян, на которых они выращивают культуры, необходимые им для существования; при этом землевладелец присваивает фактический труд крестьянина без компенсации за те дни в году (преимущественно в пик сельскохозяйственных работ), которые были использованы для производства зерна на продажу. При такой системе организации труда практикуемая в виде дополнения к продуктовой отработочная, или трудовая, рента в силу определенных обстоятельств (плодородие почвы, урожайность, связь с рынком, производительность труда, дифференцированный контроль ресурсов и т. д.) может включать не весь прибавочный продукт, что позволяет получившему для самообеспечения участок крестьянину сверх собственных нужд создавать излишек, больший по размеру, чем извлекаемая рента (особенно если рента была определена исходя из ретроспективных данных, или среднерыночных условий) [Roseberry, 1976, p. 51–54]. Относящиеся к данной группе крестьяне в отдельные периоды времени могут прибегать к найму

рабочей силы, однако предпочитают нанимать работников из среды родственников или близких знакомых, а не на открытом рынке. Например, в центре и на юге Перу получил распространение институт, известный как «*el día prestado*» (букв. «рабочий день в займы») — форма отсроченного и неликвидного платежа за один рабочий день. Преимущество в данной сделке не у того, кто отсрочивает выплату за рабочий день, который обычно составляет лишь крохотную часть его потребностей в труде, а, скорее, у другого участника, который, соглашаясь отработать трудовой день за плату не в денежном эквиваленте, обеспечивает себе работника на определённую дату в будущем, когда ситуация на рынке труда может ухудшиться. Такой труд по-прежнему сохраняет свой семейный характер независимо от того, выплачивается заработная плата или нет, поскольку работники нанимаются через активизацию первичных связей, являющихся либо кровными, либо ритуально кровными, как, например, «*compadrazgo*» (комплекс родственных отношений между родителями ребенка и его крестным, букв. «совместные родители») в современных крестьянских сообществах перуанских Анд ([Lehmann, 1986, p.609, 611]; см. также: [Brass, 1983; Fioravanti-Molinié, 1982]).

Кроме того, в различных регионах земного шара у крестьян широко практикуется привлечение рабочей силы в форме, близкой русской супраге, — традиционно крестьянскому типу трудовой кооперации и взаимопомощи, состоящему в соединении рабочего скота, инвентаря и рабочей силы ряда хозяйств для выполнения отдельных сельскохозяйственных работ [Данилов, 1979, с.55; Растянников, 1995, с.126–127; Erasmus, 1956; Kimball, 1949]. Помимо прочего, это объясняет, почему труд в традиционном крестьянском хозяйстве оказывается дешевле, чем на капиталистической ферме.

Существование аграрной докапиталистической эксплуатации внутри крестьянства, а также между его различными группами, в разной мере втянутыми в товарное производство, фактически воплощается в расщепленной форме производственных отношений. Владея земельным участком и ведя личное подсобное хозяйство, крестьянин все в меньшей степени контролирует результаты своей производственной деятельности. Обусловленные соответствующим принципом распределения факторов производства отчуждение и присвоение продуктов труда образуют производственное отношение, которое у К. Маркса получило название «призрачной собственности» [Маркс, 1968, с.502]. Помимо плантационного хозяйства, рассмотренного К. Марксом, экономический механизм воспроизводства «призрачной собственности» проявляется в различных сферах аграрного сектора, охваченных формированием квазикапиталистических отношений. В фазе производства и частично в фазе распределения господствуют элементы крестьянской экономики, в фазе обмена традиционные институты и формы хозяйственного взаимодействия попадают в подчиненное положение по отношению к характерным для капиталистической системы индустриальным и постиндустриальным производительным силам. При этом каких-либо радикальных перемен, отражающих процесс трансформации традиционного крестьянского хозяйства в капиталистическую семейную ферму, не происходит. Более того, как только восстанавливается связь крестьянина с отчужденными от него средствами производства, сокращается доля продукта, поступающая в сферу рыночного обмена, и возрастает удельный вес личного потребления за счет самообеспечения. Одновременно появляется стремление восстановить себя в качестве

субъекта традиционного уклада, продающего не собственную рабочую силу, а продукты труда. Так, одной из причин сокращения общей численности лиц наемного труда почти на 25% в восьми странах Восточной Африки в 1960-х годах послужила ликвидация границ резерватов, и местное население получило доступ к земле [Крылов, 1997, с. 204]. Возникая на базе расщепления мелкой собственности, в целом подобные межукладные формы общественного хозяйства отличаются неравномерным по уровню и глубине развития характером производственных отношений. И именно в сфере обменных трансакций наиболее часто фиксируются точки соприкосновения отдельных фаз воспроизводственного процесса различных исторических типов общественно-экономических укладов. Это ограничивает возможности аналитического применения ряда категорий как формалистского (основанный на принципе рационального выбора рыночный коммерческий обмен, максимизация полезности и т. п.), так и субстантивистского подхода (асимметричный реципрокный обмен, негативный реципрокный обмен) при изучении структуры производственных отношений многоукладной и межукладной экономики.

Соответствующее преобразование претерпевают и отношения эксплуатации, которые в пределах трансукладных хозяйственных систем представляют собой ту или иную традиционную форму перераспределения результатов труда, приспособленную для нужд капиталистического рынка. Вместе с тем ограниченный с точки зрения потребностей капиталоемкого производства потенциал редиистрибутивных систем крестьянской экономики препятствует полноценной интеграции общинных форм организации труда в рыночное хозяйство, консервирует докапиталистические механизмы воспроизводства рабочей силы, создавая тем самым широкие возможности для развития торгово-ростовщической эксплуатации в агросфере. Распространение за пределами отношений земельной собственности форм эксплуатации позволяет квалифицировать последнюю уже как определенный тип присвоения, а не создания прибавочного продукта, как явление, отличное от классических форм рентного отчуждения, тем более от связанных с политическим подчинением плат нерентного характера.

Вытекающая из укладной неоднородности социально-экономических структур аграрных обществ нетождественность их производственных отношений является основным препятствием на пути развития капиталистической эксплуатации в деревне. В границах натурального сектора крестьянского хозяйства наемный рабочий оказывается связан с таким производством, которое ориентировано на удовлетворение не рыночных, а личных потребностей нанимателя. Получая заработную плату из натурального или денежного дохода нанимателя, сельскохозяйственный работник подвергается эксплуатации не по закону присвоения прибавочной стоимости, а в силу характерного для простого товарного обращения отклонения цены товара от его стоимости. В результате оценка цены рабочей силы является весьма подвижной, и в отдельные периоды времени заработок наемного рабочего может быть даже больше того, что он произвел. Именно так случается с поденщиками, нанимающимися в страдную пору к крестьянам, которые стремятся в сжатые сроки убрать урожай и тем самым спасти себя от более крупных потерь по сравнению с переплатой за наем чужого труда [Крылов, 1997, с. 198].

В тех случаях, когда часть создаваемой при помощи наемной рабочей силы продукции для нужд собственного потребления попадает на рынок, наем по своей

укладной природе также не может относиться к категории капиталистического. Исследования структуры крестьянских хозяйств как пореформенной России, так и современных развивающихся стран показали, что объем реализуемого крестьянами товарного сельскохозяйственного продукта на рынке значительно больше, чем показатели его потребления в воспроизводственном процессе [Чаянов, 1925, с. 147–171; Растянников, 1973, с. 108–127; 2010, с. 45–50]. Это указывает на использование такой сельскохозяйственной продукции преимущественно в целях личного потребления. Привлечение в крестьянское хозяйство дополнительной рабочей силы может быть также продиктовано стремлением «инвестировать» полученные на рынке доходы в такие маргинальные с точки зрения капиталистического производства сферы, как организация культовых церемоний, устройство свадеб и похорон, субсидирование разнообразных ритуальных действий (крещение, конфирмация, фиеста в Латинской Америке, Ильин или Спасов день в России, сламетан в яванской деревне и т. п.), демонстрация социального статуса и завоевание престижа, приобретение импортных предметов роскоши. Унаследованная от прошлого система потребностей сельского жителя, ориентированная на исторически ограниченные по размерам и номенклатуре стандарты потребления, оказывает существенное влияние на структуру расходов, затрудняя капитализацию прибавочного продукта и товаризацию воспроизводственного механизма крестьянского хозяйства.

Овладевая фазой обмена воспроизводственного процесса крестьянского хозяйства, рыночный капитализм далеко не всегда преобразует социальный базис эксплуатируемого им труда [Растянников, 1995, с. 353]. Безвозмездное отчуждение части произведенного в крестьянском хозяйстве продукта не ведет автоматически к присвоению факторов труда, главными из которых являются естественные природные процессы. Присвоение результатов чужого труда здесь не есть то же самое, что и присвоение факторов труда. Распределение продукта труда на необходимый и прибавочный не разрывает физическую связь работника с природными условиями его бытия [Крылов, 1997, с. 10–15]. Поэтому в системе натуральных производительных сил экономические отношения собственности охватывают только присвоение рабочей силы работника и продукта его труда и не затрагивают обусловленное волевыми внеэкономическими отношениями собственности господство над природными средствами производства. Расхождение между правовой и экономической сторонами отношений собственности, отражающее процесс формирования «призрачной собственности», порождает своеобразные (квази- и псевдокапиталистические) формы общественного хозяйства, при которых работник номинально владеет принадлежащими ему средствами производства, но фактически подвергается эксплуатации в рамках исторически более развитых производственных отношений. При этом сам факт того, что производимый в крестьянском хозяйстве прибавочный продукт частично или целиком может поступать в сферу рыночного обмена и приобретать свойства меновой стоимости, не содержит в себе никакой иной информации, кроме как о способе соединения работников со средствами производства и формах хозяйственного использования данных работников (наемный труд). Важно другое: по своей экономической природе эксплуатация здесь по-прежнему базируется на потребительно-стоимостном типе отчуждения и присвоения дармового труда наемных работников. На основе сосуществования отдельных фаз воспроизводственных процессов различных общественно-экономических укладов возни-

кают и соответствующие специфические способы изъятия продуктов такого труда, ориентированные либо на консервацию традиционных форм организации работ, либо на их адаптацию для потребностей расширенного воспроизводства.

5. Докапиталистические формы наемного труда: пережитки прошлого и псевдотрадиционные порождения капитализма

В системе крестьянских экономических взаимосвязей важная роль традиционно принадлежала долговым отношениям. Среди разнообразных форм симметричного обмена, имевших распространение в крестьянской среде, широко практиковалось поочередное предоставление займы пищи и необходимых вещей. На этой почве сформировался комплекс устойчивых вертикальных связей, включающий непрерывную циркуляцию материальных благ, распределение деревенских ресурсов, иерархию престижа и существование личной взаимозависимости. Характерной чертой данного типа отношений стало наличие открытого экономического расчета между кредитором и должником, вследствие которого оказание беспроцентного займа «по-соседски», или периодическое распределение предметов и результатов труда между землевладельцем и арендатором, уже не является эквивалентом установления равенства. Но поскольку требование уплатить ростовщические проценты в крестьянских сообществах не получило распространения ввиду нравственной оценки экономического поведения («взять процент — все равно, что ободрать человека») (о причинах осуждения процента, возникающего из долговых отношений, см.: [Дубянский, 2012]), то в качестве неотъемлемой части возмещения заемные отношения почти всегда предполагают безвозмездное присвоение чужого труда. Как форма оплаты долга, отработки приобретают особую актуальность в периоды посевной и уборки урожая, зачастую не выходя за границы очередных сельскохозяйственных работ ввиду того, что долговые обязательства носят кратковременный характер, а крестьянин-заемщик не лишается личной свободы и не порывает связей со своим хозяйством. Подробное описание практики долговых отношений в среде великорусских крестьян содержится в работе В. П. Тихонова. Автор показывает, что заем почти всегда предполагал безвозмездный труд должника в хозяйстве кредитора, причем в целом заемные отношения «можно определить всего ближе отношениями между нанимателем и его работником» [Тихонов, 1891, стб.11]. Возможность присваивать прибавочный труд должника подобным образом, по существу, представляет собой форму эксплуатации, которая в литературе получила название патрон-клиентских отношений [Wolf, 1966; Scott, 1977; Eisenstadt, Roniger, 1980; Popkin, 1980, p. 458–462; Семенов, 2002, с. 148–150]. Важно подчеркнуть, что возникающие на такой основе взаимосвязи следует отличать от феодальной зависимости крестьян от помещика, хотя нередко отношения между патроном и его клиентами носят патерналистский характер. В крестьянских хозяйствах России к сезонным работникам относились как к членам своей семьи [Чаянов, 1925, с. 21]. В колониальном Вьетнаме арендатор также находился в положении одного из членов семьи землевладельца, в обязанности которого входило оказание материальной помощи в случаях тяжелого финансового состояния своих клиентов [Popkin, 1980, p. 460]. В то же время безвозмездный труд на патрона не позволял должнику или крестьянину-арендатору уделять достаточно внимания собственному хозяйству. Поэтому в крестьянской среде всегда осознава-

лась важность сохранения определенной независимости и пространства для маневра в отношениях с патроном. «Обними ногу Будды только в случае необходимости», — говорили китайские земледельцы [Porkin, 1980, p. 461]. Экономическая ценность модели «патрон–клиент» варьируется в зависимости от динамики сельского урожая, но ее социальная ценность в период приспособления крестьянства к изменяющимся условиям жизни всегда была деградированной [Woodside, 1976, p. 257–258].

Важной особенностью докапиталистического типа присвоения является не-обособленность труда и собственности друг от друга на уровне хозяйственных процессов. Единение работника с природными предпосылками труда, образующее естественные факторы труда, предопределяет первоочередность присвоения объективных, всеобщих средств труда по сравнению с субъективными, исторически приобретенными факторами производства. Как аспекты единой формы присвоения, труд работника, вовлеченный в природные процессы, и природные факторы труда, включенные в социальный процесс, выступают в качестве естественной производительной силы, что означает реализацию самой собственности как труда, через присвоение собственной рабочей силы и земли как объекта труда. Расчленение присвоения на труд и собственность, создающее предпосылки для получения прибавочного продукта, оказывается возможным посредством отчуждения воли работника как способности распоряжаться своей рабочей силой [Крылов, 1997, с. 13; Фурсов, 1993, с. 83–85]. В рамках института долговых отношений личностно-волевой характер собственности превращает взаимосвязь между кредитором и должником в асимметричную взаимозависимость, реализующую себя в форме кабальной эксплуатации наемного труда. Задолжавший крестьянин вынужден регулярно работать в хозяйстве кредитора, получая при этом заработную плату, которая не вычитается из суммы долга (см., напр.: [Тихонов, 1891, стб. 11]). Неотъемлемым элементом долговой кабалы часто становится залог личности должника или одного из членов его семьи. В результате отношения личной зависимости могут наследоваться целыми поколениями сельскохозяйственных рабочих. Так, по некоторым оценкам, в конце 1970-х годов, несмотря на формальную отмену кабальной задолженности, в долговой кабале находились 63% всех сельскохозяйственных рабочих Индии [Традиционные структуры..., 1984, с. 91]. Примечательно, что кабальничество не обязательно предполагает исчезновение земледельческого хозяйства должника, поскольку его заработная плата как наемного работника вовсе не рассчитана на то, чтобы погашать ею долг. Более того, долг сам представляет собой составную часть реальной заработной платы сельскохозяйственного рабочего, обеспечивая дальнейшее отчуждение его воли [Максимов, 1955, с. 12; Семенов, 2002, с. 149–151].

Кабальная форма эксплуатации наемного труда имела широкое распространение во многих докапиталистических обществах древности, Средневековья, Нового и Новейшего времени, где система долговых отношений оказывалась тесно вплетена в механизм воспроизводства натурального и мелкотоварного крестьянского хозяйства. Многочисленные свидетельства показывают, что в конкретной действительности извлечение прибавочного, а иногда и необходимого продукта в процессе кабальной эксплуатации сопровождалось фактическим отстранением непосредственного производителя от сферы товарного обращения. С одной стороны, этому способствовал индивидуальный характер производства, а также тесная связь наемного работника с предметно-подчиненными ему факторами труда. С другой стороны,

привлекаемая рабочая сила использовалась в таком же крестьянском хозяйстве, рассчитанном на удовлетворение потребностей нанимающей семьи. Тем самым свойственные отношениям кабального найма натуральные и полунатуральные формы организации чужого труда (отработки, издольщина и проч.) в условиях традиционного земледельческого производства применялись для получения экономического продукта, итогом частного присвоения которого выступала неоднородная по своей структуре докапиталистическая крестьянская рента, включавшая в том числе проценты по займам.

Функциональная роль института долговых отношений и, соответственно, условия воспроизводства приспособленной для его нужд наемной рабочей силы изменяются по мере возрастания доли накопленных вещественных предпосылок и факторов труда (средства производства), выступающих в качестве объектов производственных отношений. В границах межкласового взаимодействия, порождающего специфические формы общественного хозяйства, примат искусственных элементов воспроизводства над естественными еще не образует противоречия между субстанциональной субъектностью человека как производителя материальных благ и функциональной десубъективацией его как классово определенного индивида капиталистического общества (о проблемах десубъективации личности подробнее см.: [Фурсов, 1993]). Выступая в качестве субъекта присвоения в сфере организации труда, наемный работник по-прежнему низводится до положения объекта собственности на уровне социальных процессов, подвергаясь эксплуатации на основе монополюсволевого отчуждения его личности. В фазе распределения результатов труда долг сельскохозяйственного рабочего приобретает черты антиципированной заработной платы, которая представляет лишь часть необходимого продукта, включающего естественные факторы труда (как, например, у азиатского крестьянина), тогда как другая часть безвозмездно отчуждается в пользу кредитора. Внешне напоминая отработочную форму рентной эксплуатации, система денежного закабаления работника свидетельствует о сдвиге аграрных производственных отношений в сторону обмена между продавцом рабочей силы и ее покупателем на условиях, приводящих в соответствие затраты труда с динамикой создания меновой стоимости. Предельный объем ссуды, предоставляемой рабочему-заемщику, уже определяется стоимостью того количества труда, которое необходимо для выполнения конкретной работы. Однако применяемые рыночные принципы учета затрат и оценки цены рабочей силы оказываются приспособлены для воспроизводства некапиталистических отношений собственности. Опыт проводимой в странах Южной и Юго-Восточной Азии «зеленой революции» позволяет проследить формирование таких квазиденежных и квазитоварных форм использования чужого труда, основанных на долговой зависимости и временной несвободе [Растяников 1995, с. 416–418; Kikuchi, Hayami, 1999].

6. Исторический финал крестьянского хозяйства: капиталистическая эволюция или инволюционный путь развития?

Рост продуктивности квазикапиталистического хозяйства на базе интенсификации трудовых затрат сопровождается неуклонным снижением ставок заработной платы и увеличением задолженности сельскохозяйственных рабочих. Среди причин, обусловивших скачкообразное повышение производительности бесконечно

дешевого аграрного труда, ведущая роль обычно отводится рационализации производства на базе развития индустриальных производительных сил [Растянный, 1974, с. 3–16; 1995, с. 424; Ковалев, 1974, с. 54–59; Мюрдаль, 1972, с. 365–385; Александров, 1987, с. 20–27] либо берущим свои истоки из крестьянской теории А. В. Чаянова организационно-производственным факторам, оправдывающим тяжелую изнурительную работу необходимостью обеспечить рост продукции пропорционально увеличению объема потребностей [Shanin, 1973; 1974].

Еще одно объяснение предложено в рамках леворадикальных теорий зависимости, опирающихся в том числе на марксистский анализ. Существование мелкотоварного производства и других докапиталистических форм хозяйства способствует сохранению низкого уровня развития, что выгодно как для класса непроизводителей, так и для мировой капиталистической системы в целом. Руководствуясь интересами контролирующей его местной буржуазии, государство субсидирует низкопродуктивное производство и гарантирует заранее невыгодные для крестьян-производителей цены, не позволяющие им расширить границы уровня потребления даже в лучшие времена. В результате, эксплуатируясь по максимуму, крестьянское хозяйство превращается в подчиненного поставщика дешевой рабочей силы и дешевых продуктов питания, тем самым поддерживая неэквивалентный обмен между центром и периферией капиталистической мир-системы (см.: [Janvry, 1981, p. 39; Vergopolous, 1978]).

Особый взгляд на стоимость наемного труда и степень капиталистической эксплуатации в агросфере принадлежит С. Амину. Идейно отталкиваясь от двух научных традиций: 1) Л. Альтюссера и Н. Пулансаса с анализом государства и классов 2) французских антропологов Е. Террэ и С. Мейясу с неомарксистской трактовкой докапиталистических способов производства, С. Амин концептуализирует накопление в мировом масштабе. При этом он отмечает, что неравный обмен происходит не просто между центром и периферией, а между докапиталистическими и капиталистическими способами производства. Поэтому для С. Амина клеймом периферийного капитализма становится его непрерывная зависимость от таких докапиталистических механизмов, как труд традиционных крестьянских хозяйств, принимающий домашний и неоплачиваемый характер ([Amin, 1977]; см. также: [Фурсов, 1991, с. 84; Lehmann, 1986, p. 604; Wallerstein, 1984]).

Несмотря на известные методологические и проблемно-теоретические расхождения во взглядах, общим концептуальным моментом для представителей различных научных школ стало явное или скрытое признание того факта, что традиционные для крестьянской экономики индивидуально-семейные формы организации труда поддерживаются и воспроизводятся капиталистической системой в качестве не только источника дешевой рабочей силы, но и своеобразного регулятора интенсивности трудовых процессов в деревне на фоне подчинения локальных особенностей экономического быта новым стандартам жизни и потребления.

Становление промежуточных и переходных форм общественного хозяйства сопровождается опережающим ростом потребностей по сравнению с медленно изменяющейся системой работ, что усиливает разрыв и несвязанность предметно-вещественных и личностных факторов производства. Субъективные качества крестьянина осовремениваются намного быстрее, чем объективные условия его бытия [Крылов, 1997, с. 123–125]. Отсюда — соответствующая зависимость материальных

факторов труда от социальных, которая не только определяет низкий уровень развития производительных сил, но и находит свое выражение в особом характере присвоения, формируя тем самым квазикапиталистическую структуру отношений собственности. В результате в возникающем многоукладном типе производственных отношений по-прежнему доминируют некапиталистические формы присвоения, обусловленные доиндустриальным состоянием наемного труда.

Существующая диспропорция между принципами стоимостной оценки рабочей силы и порожденной передовыми формами материального производства развитых стран «демократизацией» системы потребностей подвергает дальнейшей деформации традиционные формы организации труда. Особенно ярко процессы укладной диссимилиации проявляются в результате внедрения в сельскохозяйственную практику индустриальных средств производства и новых технологий. С одной стороны, интенсификация сельскохозяйственного производства и расширение обрабатываемых площадей сопровождаются увеличением спроса на свободную рабочую силу, приводя к разложению общинной организации труда. С другой стороны, механизация сельскохозяйственных работ и экономия затрат труда неуклонно сокращают масштабы и периодичность применения найма, способствуя формированию аграрных структур, не связанных с использованием наемной рабочей силы. Несмотря на рост числа машинных операций, сельскохозяйственные работы по-прежнему разделяют значительные по продолжительности интервалы времени вследствие действия неизбежных биологических и климатических факторов. В силу этого в агросфере технический прогресс не способствует функциональному разделению труда и специализации, так как, в отличие от промышленности, выполняемые операции здесь не являются совмещенными. Тем самым перемены в технологических основах производства не влекут за собой значительных изменений в социальной организации производительных сил, позволяя лишь сократить наем рабочей силы. А поскольку крестьянские хозяйства специализируются как одноотраслевые, не вкладывая ресурсы в другие отрасли земледелия, то механизация препятствует развитию процесса пролетаризации сельского населения (подробнее см.: [Brewster, 1950]). Итогом противоречивого влияния механизации в сельском хозяйстве становится сосуществование неоднородных по своей формационной принадлежности типов крестьянских хозяйств, в рамках которых эксплуатация наемных рабочих по своей экономической сущности может одновременно представлять реализацию отношений как капиталистической, так и некапиталистической собственности.

Среди возникающих под воздействием индустриальных форм капитализма неотрадиционных типов общественного труда исторически наметились два основных направления трансформации крестьянского хозяйства. Для каждого из них характерно возникновение хозяйственных форм, отличающихся несовпадением своих содержательных (сущностных) и функциональных сторон. Во-первых, на базе естественного разделения труда происходит образование так называемой «капитализированной семейной фермы», которая: использует постоянный и переменный капитал в соответствии со своей обеспеченностью и согласно возможностям, предлагаемым рынком; учитывает рыночную стоимость труда; извлекает капиталистическую прибыль, но практически не прибегает к найму свободного чужого труда (подробнее см. об этом: [Lehmann, 1986, p. 606–608]). Во-вторых, в качестве массового явления наблюдается формирование инволюционных (развивающихся вспять)

хозяйств некапиталистического типа, отличительными чертами которых выступают наем и продажа рабочей силы, детоваризация, падение производительности труда, фактическое выталкивание хозяйства из сложившейся системы общественного разделения труда. Давление со стороны земельно-демографического комплекса (рост диспропорции между имеющейся в аграрном секторе рабочей силой и количеством земельных ресурсов) усиливает негативные тенденции хозяйственной инволюции, создавая благоприятные условия для прогрессирующей маргинализации земледельческих хозяйств, когда земледелец по своему социально-историческому типу уже не крестьянин, но и не фермер. На этом фоне происходит «бегство» наемных рабочих в сферы деятельности, опирающиеся на отношения кабальной и патрон-клиентской зависимости. Наем как источник средств существования начинает приносить рабочему вместе со всеми его другими оплачиваемыми занятиями меньший доход, чем традиционные формы кабальной и клиентальной зависимости. Они гарантируют более стабильное участие в процессе производства и, следовательно, больше шансов на выживание (о процессах хозяйственной инволюции в агросфере стран Южной и Юго-Восточной Азии в конце XX — начале XXI в. подробнее см.: [Растянников, 1995, с. 325, 338–343, 425; 2010, с. 15–32]. Для обоих вариантов развития характерно сохранение крестьянского семейного хозяйства, включенного в многоплановую социально-экономическую структуру аграрного сектора и выполняющего функцию воспроизводства неотрадиционных форм организации труда.

7. Основные выводы

Изучение социально-экономической природы наемного труда сельских рабочих в условиях преобладания капиталистически ориентированной модели земледелия позволило сформулировать ряд положений, наиболее важными из которых являются следующие:

1. Выделенные типы крестьянских хозяйств по своим экономическим и социальным признакам не соответствуют критериям чистых, образованных от господствующего способа производства, хозяйственных укладов. Расщепленная структура производственных отношений, в рамках которой крестьянский сектор формирует лишь отдельные моменты воспроизводства, является причиной особых условий и способов хозяйственного использования наемных работников и в конечном итоге предопределяет специфику каждого из типов присвоения прибавочного труда, из которых доминирующим следует признать некапиталистический. Характерному для капитализма способу соединения работников со средствами производства (свободный наемный труд) соответствует некапиталистический тип эксплуатации, «обогащенный» такими формами хозяйственного использования этих работников, как патронаж и долговая кабала.

2. Вытекающая из многоукладной природы крестьянского хозяйства множественность способов экономической деятельности в контексте современной исторической динамики с неизбежностью становится неотъемлемой частью капиталистической системы отношений собственности, реализуя себя в докапиталистических и некапиталистических формах наемного труда при капитализме. Вместе с тем деформации происходят и внутри самой капиталистической собственности, которая все более сопрягается с традиционным типом аграрных производственных отношений.

3. Одновременное существование в одном экономическом пространстве исторически разноукладных по своей функциональной структуре производственных отношений воспроизводится на базе неоднородных в их качественном аспекте элементов производительных сил. Разрывы в уровнях органического строения труда и капитала определяют специфику воспроизводственного процесса, его дискретность, подчиненность отдельных его фаз законам разных общественно-экономических укладов, вследствие чего отношения собственности не могут принять характер капитала в его противостоянии наемному труду.

4. Включенность крестьянского хозяйства в многоукладные формы общественного развития обуславливает неоднородное состояние используемого в нем труда (рабочая сила как потенциальная способность к труду), механизм воспроизводства которого встроен в систему натуральных, или естественных, производительных сил, тогда как собственно процесс труда (функционирующая рабочая сила) интегрирован в качестве объекта в систему капиталоемкого аграрного производства. Среди путей становления аграрного квазикапитализма отчетливо выделяются многообразные формы вовлечения чужого труда в сектор крестьянских хозяйств, отличительной чертой которых является типичный для капиталистического производства свободный наем рабочей силы, включенный в многоплановую структуру отношений некапиталистической эксплуатации.

Литература

- Александров Ю. Г. Капитализм в сельском хозяйстве Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: развитие капитализма. М., 1987. С. 9–30.
- Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 330–342.
- Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004. 304 с.
- Гайстер А. Расслоение деревни. М.; Л., 1928. 88 с.
- Гордон А. В. Тип хозяйствования — образ жизни — личность // Крестьянство и индустриальная цивилизация. М., 1993. С. 113–135.
- Гордон А. В. Крестьянство и рынок: научно-аналитический обзор. М., 1995. 80 с.
- Гурвич И. А. Экономическое положение русской деревни. 2-е изд., испр. и доп. М., 1941.
- Дандамаев М. А. Рабство в Вавилонии VII–IV вв. до н. э. (626–331 гг.). М., 1974. 494 с.
- Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979. 360 с.
- Данилов В. П., Данилова Л. В., Растянных В. Г. Основные этапы развития крестьянского хозяйства // Аграрные структуры стран Востока: генезис, эволюция, социальные преобразования. М., 1977. С. 6–48.
- Делищева И. Ф. Категория свободных, qui bona fide serviunt // Вестник древней истории. М., 1978. № 3. С. 20–37.
- Доклад о мировом развитии 2008: Сельское хозяйство на службе развития. Всемирный банк / пер. с англ. М., 2008. 424 с.
- Дубянский А. Н. Культурный аспект ростовщичества и процента // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2012. Т. 4, № 4. С. 33–42.
- Илюшечкин В. П. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах: опыт системно-структурного исследования. М., 1990. 436 с.
- Иноземцев В. Л., Кузищин В. И. Исторические формы товарного хозяйства // Вестник РАН. М., 1998. Т. 68, № 7. С. 602–611.
- Ковалев Е. В. «Зеленая революция»: генезис, экономические и социальные последствия // Развивающиеся страны и «зеленая революция». М., 1974. С. 17–62.
- Крицман Л. Н. Классовое расслоение в советской деревне. М., 1926. 192 с.

- Крицман Л. Н. О внутренних противоречиях крестьянского двора: Предисловие // Кубанин М. Классовая сущность процесса дробления крестьянских хозяйств: экономическое исследование. М., 1929. С. 3–31.
- Крылов В. В. Теория формаций. М., 1997. 231 с.
- Кубанин М. Классовая сущность процесса дробления крестьянских хозяйств: экономическое исследование. М., 1929. 192 с.
- Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1970. Т. 43. 561 с.
- Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1971. Т. 3. 792 с.
- Максимов М. А. Формирование и условия эксплуатации индийского сельскохозяйственного пролетариата (1914–1947): дис. ... канд. ист. наук. М., 1955.
- Маркс К. Теории прибавочной стоимости // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1964. Т. 26, ч. III. 675 с.
- Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1968. Т. 46, ч. I. 585 с.
- Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1969. Т. 46, ч. II. 626 с.
- Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира». М., 1972. 768 с.
- Назимов И. Н. Элементы капитала в крестьянском хозяйстве. М.; Л., 1929. 160 с.
- Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы. М., 1974. 462 с.
- Растянных В. Г. Аграрная эволюция в многоукладном обществе: опыт независимой Индии. М., 1973. 448 с.
- Растянных В. Г. Введение: противоречия «зеленой революции» // Развивающиеся страны и «зеленая революция». М., 1974. С. 3–16.
- Растянных В. Г. Капитализм и многоукладность экономической системы стран Востока: аграрный аспект // Капитализм на Востоке во второй половине XX в. М., 1995. С. 304–529.
- Растянных В. Г. Аграрная Индия: парадоксы экономического роста (вторая половина XX — начало XXI в.). М., 2010. 128 с.
- Семенов Ю. И. Власть земли. Традиционная экономика крестьянства России XIX века — XX века. М., 2002. Т. I. 366 с.
- Симонов В. В., Фигуровская Н. К. Послесловие // Кондратьев Н. Д. Особое мнение: избр. произв. в 2 кн. М., 1993. Кн. I. С. 440–653.
- Студенский Г. А. Очерки по теории крестьянского хозяйства. М., 1923. 80 с.
- Сулковский М. Классовые группы и производственные типы крестьянских хозяйств. М., 1930. 208 с.
- Сычев Н. В. Диалектика многоукладной экономики. М., 1999. 318 с.
- Тихонов В. П. О займе у крестьян Козловской волости Сарапульского уезда Вятской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. М., 1891. Вып. III. Стб. 1–54.
- Традиционные структуры и экономический рост в Индии. М., 1984. 262 с.
- Троценко И. Д. Капитализм и аграрно-крестьянский вопрос. М., 1984. 304 с.
- Труды Первой Всесоюзной конференции аграрников-марксистов. 20–27 XII — 1929. М., 1930. Т. I.
- Фурсов А. И. Крестьянство в общественных системах: опыт разработки теории крестьянства как социального типа — персонификатора взаимодействия универсальной и системной социальности // Крестьянство и индустриальная цивилизация. М., 1993. С. 56–112.
- Фурсов А. И. Развитие азиатских обществ в XVII — начале XX в.: современные западные теории. М., 1991. Вып. 2. 89 с.
- Хрящева А. И. Группы и классы в крестьянстве. 2-е изд., испр. и доп. М., 1926. 172 с.
- Чаянов А. В. Организация крестьянского хозяйства. М., 1925. 216 с.
- Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство: избранные труды. М., 1989. 492 с.
- Чаянов А. В. Избранные труды. М., 1993. 590 с.
- Чаянов А. В. К вопросу о теории некапиталистических экономических систем // Неформальная экономика. Россия и мир / под ред. Т. Шанина. М., 1999. С. 467–497.
- Amin Samir. Imperialism and Unequal Development. Hassocks: Harvester Press, 1977. 267 p.
- Brass T. Agrarian Reform and the Struggle for Labour Power: A Peruvian Case Study // Journal of Development Studies. 1983. Vol. 19, N 3. P. 368–389.
- Brewster J. M. The Machine in Agriculture and Industry // Journal of Farm Economics. 1950. Vol. 32, N 1. P. 69–81.
- Dalton G. Peasantries in Anthropology and History // Current Anthropology. 1972. Vol. 13, N 3–4. P. 385–415.
- Dalton G. How Exactly Are Peasants «Exploited»? // American Anthropologist. 1974. Vol. 76, N 3. P. 553–561.

- Dymski G. A., Elliott J. E.* The Taxonomy of Primary Exploitation // Review of Social Economy. 1989. Vol. 47, N 4. P. 338–376.
- Eisenstadt S. N., Roniger L.* Patron-Client Relations as a Model of Structuring Social Exchange // Comparative Studies in Society and History. 1980. Vol. 22, N 1. P. 42–77.
- Erasmus C. J.* Culture Structure and Process: The Occurrence and Disappearance of Reciprocal Farm Labor // Southwestern Journal of Anthropology. 1956. Vol. 12, N 4. P. 444–469.
- Fioravanti-Molinié A.* Multi-levelled Andean Society and Market Exchange: The Case of Yucaj // Ecology and Exchange in the Andes / ed. by D. Lehmann. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
- Hindess B., Hirst P. Q.* Pre-capitalist Modes of Production. Boston: Routledge & Kegan Paul, 1975.
- Janvry A de.* The Agrarian Question and Reformism in Latin America. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1981. 328 p.
- Kieve R.* From Necessary Illusion to Rational Choice? A Critique of Neo-Marxist Rational-Choice Theory // Theory and Society. 1986. Vol. 15, N 4. P. 557–582.
- Kikuchi M., Hayami Y.* Technology, Market, and Community in Contract Choice: Rice Harvesting in the Philippines // Economic Development and Cultural Change. 1999. Vol. 47, N 2. P. 371–386.
- Kimball S. T.* Rural Social Organization and Co-operative Labor // American Journal of Sociology. 1949. Vol. 55, N 1. P. 38–49.
- Lehmann D.* Two Paths of Agrarian Capitalism, or a Critique of Chayanovian Marxism // Comparative Studies in Society and History. 1986. Vol. 28, N 4. P. 601–627.
- Littlefield A.* Exploitation and the Expansion of Capitalism: The Case of the Hammock Industry of Yucatan // American Ethnologist. 1978. Vol. 5, N 3. P. 495–508.
- Popkin S.* The Rational Peasant: The Political Economy of Peasant Society // Theory and Society. 1980. Vol. 9, N 3. P. 411–471.
- Roemer J. E.* Should Marxists be Interested in Exploitation? // Philosophy & Public Affairs. 1985. Vol. 14, N 1. P. 30–65.
- Roseberry W.* Rent, Differentiation, and the Development of Capitalism among Peasants // American Anthropologist. 1976. Vol. 78, N 1. P. 45–58.
- Scott J. C.* Patronage or Exploitation? // Patrons and Clients in Mediterranean Society/ ed. by E. Gellner, J. Waterbury. London: Duckworth, 1977. P. 21–39.
- Sen A.* Peasants and Dualism with or without Surplus Labour // Journal of Political Economy. 1966. Vol. 74, N 5. P. 425–450.
- Sen A.* Economic Development: Objectives a. obstacles // China's development experience in comparative perspective / ed. by F. R. Dernberger. London: Cambridge (Mass.), 1980. P. 19–37.
- Shanin T.* The Nature and Logic of Peasant Economy // Journal of Peasant Studies. 1973. Vol. 1, N 1. P. 63–80; 1974. Vol. 1, N 2. P. 186–206.
- Skinner G. W.* Marketing and Social Structure in Rural China. Part I // The Journal of Asian Studies. 1964. Vol. 24, N 1. P. 3–43.
- Vergopolous K.* Capitalism and Peasant Productivity // Journal of Peasant Studies. 1978. Vol. 5, N 4. P. 446–465.
- Wallerstein I.* The Politics of the World-Economy. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. 191 p.
- Wolf E. R.* Kinship, Friendship, and Patron-Client Relationships in Complex Societies // The Social Anthropology of Complex Societies / ed. by M. Banton. London; Tavistock: A. S. A. Monographs, 1966. P. 1–22.
- Woodside A.* Community and Revolution in Modern Vietnam. Boston: Houghton Mifflin, 1976. 351 p.

Статья поступила в редакцию 5 декабря 2013 г.